

Конституционализм в политической доктрине кадетов

Леонид Балтовский

К началу XX столетия на передний план в России выдвинулась задача государственного переустройства. Принципиально важными считались создание системы народного представительства, кардинальное видоизменение правопорядка, существенное ограничение исполнительных функций верховной государственной власти, признание верховенства права, участие народа в законодательном процессе, контроль за исполнением законов, совершенствование судебной системы и т.д. Не менее значимым представлялось и создание в стране таких условий, при которых идея необходимости представительных учреждений могла бы утвердиться в общественном сознании. Все эти общеполитические требования нашли отражение в *конституционализме* — идеологическом принципе, положенном в основание политической доктрины партии Народной свободы.

В научной литературе утвердились два основных толкования понятия «конституционализм». «Конституционализмом» называется либо *форма правления*, основанная на общих нормах и методах управления, предписанных реально действующей конституцией, в границах которых функцио-

нирует политическая система общества, либо *учение* о конституции как основном инструменте политической власти, политико-правовая теория, обосновывающая необходимость установления конституционного строя [Конституционное право 1995: 64]. В отличие от юристов, детально исследовавших проблематику конституционализма с позиций теории государства и права [см. о реализации принципа конституционализма в российском общественно-политическом пространстве: Боброва 2003; Бурдукова 1999; Конституционализм 2000; Кравец 2000; Лихобабин, Пархоменко 2000; Мамитова 2005], нас интересуют *политологические* аспекты этого понятия, в первую очередь, теоретическое обоснование конституционализма идеологами партии Народной свободы и соотнесенность доктринальных позиций партии с ее политической тактикой. Понятно, что в оценке деятельности кадетов по утверждению принципа конституционализма следует исходить не из того, что могло бы произойти в неких идеальных условиях, а из соотнесения теоретико-нормативных требований с запросами реальности и с теми институциональными формами, которые определяли политическую жизнь в России начала XX столетия.

Существует точка зрения, что конституционализм в отечественной общественно-политической практике являлся «политической (или правовой) идеологией либерализма» [Медушевский 1999: 75]. Применительно к политической доктрине партии кадетов такого рода оценка представляется излишне расширительной. Либерализм сам по себе уже есть политическая идеология. Если учесть, что любая политическая доктрина формируется в теоретико-философских пределах основополагающей идеологии (в данном случае — либеральной традиции), то станет очевидно, что конституционализм был не самостоятельной идеологией, а лишь элементом, пусть и крайне важным, в идеологии либерализма.

Сторонники другой точки зрения предлагают относиться к конституционализму исключительно как к доктрине, обслуживающей задачи государственной власти («...конституционализм следует рассматривать не как идеологию противостояния общественных сил и государственной власти, а идею, направленную на организацию государственной власти, упорядочивание отношений между государством и индивидом, государством и структурами гражданского общества, государственной властью и местным самоуправлением» [Мамитова 2005: 23–24]). Это, напротив, существенно сужает данное понятие. В нашем случае речь идет о важнейшем *системообразующем принципе* политической доктрины — принципе, который конституционные демократы пытались внедрить в жизнь российского общества и который сам по себе был результатом сложного, противоречивого процесса взаимодействия и конфликта государственной власти и конституционных усилий обществу. Этот принцип раскрывается через характеристику трех важнейших представлений — о *конституционном*

механизме, конституционных нормах и конституционном строе.

Политическое движение, поднявшее знамя «конституционной демократии», зарождалось в острых спорах о проблемах институционального обустройства России. Любая политическая доктрина возникает в конкретных исторических и общественных условиях, заимствуя общетеоретические положения из принципов политической философии своего времени. У истоков российской традиции конституционализма (разумеется, мы говорим здесь о теоретическом аспекте этого явления) стояли такие выдающиеся мыслители, как К. Кавелин, А. Градовский, В. Соловьев, В. Сергеевич, Ф. Леонтович, Б. Чичерин и др. Существенную роль в распространении этой идеи сыграл сборник «Конституционное государство» (1905), в создании которого принимали участие будущие видные деятели партии кадетов И. Гессен и А. Каминка, а среди авторов были В. Гессен, М. Рейснер, Н. Кареев, А. Дживелегов, С. Котляревский и др. Немалую роль в становлении отечественного политического и правового сознания начала XX в. сыграл еще один сборник — «Политический строй современных государств» (1905–1906), в котором выступили В. Гессен, П. Виноградов, М. Ковалевский, П. Милюков и др.

Разгоревшиеся накануне первой русской революции дискуссии вокруг проблемы конституционализма стали наглядным свидетельством остроты и глубины общественных противоречий. «Споры о конституции всегда являются проявлением более фундаментальных противоречий, раскалывающих общество на противоборствующие силы, выступающие с различными (или даже диаметрально противоположными) программами выхода из кризиса» [Медушевский 1994: 71]. Сторонники «традиционалистского»

подхода считали, что Россия в корне отличается от европейских стран, и нет никакой необходимости переносить в нее выработанные на Западе государственные формы. Они утверждали, что отечественная традиция государственности всегда состояла в прямом обращении народа к самодержцу. Задача, с их точки зрения, заключалась лишь в устранении из политического механизма ненужного, лишнего элемента, опосредующего отношения между народом и самодержавием — бюрократии, препятствующей плодотворному взаимному общению самодержавной власти и населения России. Еще до появления Государственной Думы авторы такого рода проектов видели суть политических реформ в совершенствовании Государственного совета путем исключения из него чиновников и введения в его состав народных представителей.

Социальной почвой для утверждения конституционализма является растущая потребность в формировании представительных органов власти. Конституционная форма правления напрямую связана с активизацией частнособственнических интересов и распространением буржуазного способа производства. Общество, в котором господствует капиталистическая экономика, видоизменяется посредством расширения и дифференциации сферы социально-экономической субъектности, а впоследствии и политической субъектности. Новые элементы социальной структуры быстро превращаются в самостоятельных игроков на политической сцене, и их давление на государство вскоре выходит за допустимые старыми правопорядками пределы. Государству, в свою очередь, ничего не остается, как уступить волеизъявлению заявляющих о своей политической активности субъектов. Единственное, на что оно может пойти в таких обстоятельствах ради

самосохранения, — взять на себя инициативу государственного реформирования.

В литературе подобное реформирование монархии получило название «*мнимого конституционализма*». Данный термин, восходящий к М. Веберу [см. подробнее: Вебер 2007], интерпретируется современными исследователями как «некий гибрид новых конституционно-правовых форм и старого абсолютно-монархического содержания» [Медушевский 1994: 71–72]. Это отнюдь не переходная форма от монархии к республике, а своеобразная институциональная реакция на радикальный характер перемен. Но и этот «мнимый конституционализм» может послужить отправной точкой для дальнейших преобразований. Считается, что для него характерно сочетание модернистских и традиционных политических форм, порожденное потребностью в трансформации и в ускоренной модернизации. Механизм власти в подобной политической системе складывается из трех элементов: института монархии, чиновничества (бюрократии) и представительной формы власти в виде парламента. Однако, как показывает большинство исторических прецедентов, первые два элемента принимают на себя все прерогативы власти вместе с политической ответственностью, тогда как третьему остаются преимущественно «декоративные» полномочия и функции.

Еще в начале прошлого века принятие важнейших политических решений в России практически не зависело от народных представителей и не обуславливалось формами конституционного контроля. Бюрократия же в полной мере стояла на стороне самодержавной власти, не выступая в качестве самостоятельной силы. Этим обстоятельством объясняется тот факт, что авторы проектов реформирования монархии считали путь России «особым»,

отличным от западноевропейского. Лидер конституционных демократов П. Милюков, как и Вебер, использовал термин «мнимый конституционализм» (наряду с такими его синонимами, как «ложный конституционализм», «лжеконституционализм» и т.п.). «Германские публицисты, — писал Милюков, по всей вероятности апеллируя именно к Веберу, — придумали уже для этого периода меткое название: эпоха “мнимого конституционализма” (Scheinkonstitutionalismus). Если можно в одном слове формулировать причину того, почему с первыми уступками власти конфликт не прекратился, а принял затяжной характер и, в конце концов, привел к настоящей катастрофе, — то это объяснение дано в этом слове: Scheinkonstitutionalismus» [Милюков 2001: 12].

Таким образом, главным результатом первой русской революции стало симбиотическое существование республиканского парламентаризма и «ложного конституционализма» самодержавия: новые политические нормы не могли заменить признаваемую всеми легальными политическими силами и *действующую* в полном объеме конституцию. «Ложный конституционализм» проявлялся и в том, что власть сама предприняла попытку облачиться в конституционные одежды. По этому поводу лидер кадетов иронически заметил в одной из статей в газете «Речь»: «Оно (правительство. — Л.Б.) даст конституцию, хотя бы для этого пришлось посадить в тюрьму всех конституционалистов: все равно конституцию будут защищать другие “благонамеренные и устойчивые элементы русского общества”. А пока эти элементы не научатся “истинному” конституционализму, либеральное министерство будет продолжать “тушить” “светочи” ложного конституционализма “тем же конституционным порядком”, каким сделало это относительно первой думы» [Милюков 1907: 543].

Открытым остается вопрос, насколько «подлинным» был подход к конституционализму самих кадетов. Естественно, речь об этом нужно вести не ради критики или же оправдания деятельности партии начала прошлого века, то есть не в идеологической плоскости, а исключительно для объективной исторической оценки. В конце 1900-х – начале 1910-х годов Милюков неоднократно заявлял о необходимости политического соглашения с октябристами и компромисса с правительством. Одним из наиболее ярких примеров политического «согласательства» можно назвать его предложение руководству октябристов согласовать законодательную программу обеих фракций, сделанное осенью 1908 г. При этом сам он оценивал «умеренно-конституционную» [Гоголевский 2003: 12] программу правоцентристских сил именно как «мнимый конституционализм». В известном смысле лидер кадетов демонстрировал готовность ради сохранения институциональных форм парламентаризма пойти на серьезные уступки в принятии «лжеконституционных» реформ в качестве основы для общественно-политического развития страны. Противоречивая позиция Милюкова подвергалась резкой критике внутри партии, что и подвело ее к расколу в важнейшем для нее вопросе о перспективах русского конституционализма.

Правосознание, базирующееся на примате права по отношению к государственной машине, политической власти и политической целесообразности, сформировалось в России только в начале XX столетия, и его можно считать новым явлением в российском политическом самосознании. Кадеты одними из первых воплотили это новое сознание в политическую доктрину, положив *теорию правового государства* в основание всей своей программы превращения России

в конституционную монархию. В этом смысле позиция конституционных демократов, выступавших за утверждение основных элементов правового государства, была практически единодушной. Новое правосознание предполагало и новое политическое мышление, базирующееся на признании первичности права по отношению к политике и рассматривающее сущность, механизм, функции и формы государственной власти исключительно сквозь призму права. Такого рода интерпретация, основанием которой служил нормативизм, имела свои плюсы и минусы. С ее помощью можно было обосновать научный подход к общественнознанию или же решать общие задачи политического воспитания. Но, скажем прямо, для решения текущих политических проблем того времени она подходила мало.

Милюков ориентировал политическую доктрину конституционных демократов на *нормативно-правовое ограничение* государственного абсолютизма. В партийных документах и работах партийных идеологов конституционализм не был представлен догматически. Он выступал не в форме *идеала*, не в качестве высшей ценности или нормы, образца или завершенного состояния, к которому следовало стремиться российскому обществу. Напротив, конституционализм воспринимался как сущность *постоянно видоизменяющегося политического процесса*, как *движение* в направлении, хорошо известном по историческому опыту других государств. Это важно для понимания сущности политической доктрины кадетов: никакую результирующую нельзя принимать за реализацию конечной цели, поскольку сама «конечная цель» в большинстве случаев не артикулировалась как философская и доктринальная парадигма. Конституционный строй, конституционный механизм и

конституционные нормы рассматривались как ориентиры, необходимость которых для развития российской государственности в глазах политической элиты казалась очевидной. Между тем главным критерием этого политического прогресса должно было стать изменяющееся *общественное* (в самом широком смысле) сознание, характеризующееся становлением нового отношения к конституционализму как к *повседневной практике* социального бытия. Вот почему, на наш взгляд, содержанием периода так называемой думской монархии [см. подробнее: Гоголевский 2003: 9–38] следует считать не столько конституционализм сам по себе, сколько *борьбу за его утверждение* в общественно-политической реальности.

Возникает далеко не праздный вопрос: как оценивали кадеты Манифест 17 октября — как основание для будущей конституции или как действующий Основной закон? «Есть ли в России конституция?», — адресовал Милюков коллегам по Государственной Думе 13 ноября 1907 г. «наболевший, мучительный вопрос», на который, по его мнению, страна с нетерпением ожидала «скорого и ясного ответа» [Милюков 1996: 55]. О том, что и спустя два года этот вопрос не был снят с политической повестки дня, свидетельствует репрезентативная для руководства партии позиция П. Струве. Влиятельный член ЦК полагал необходимым признать факт *юридического* существования российской конституции как вписанной в Манифест 17 октября и в Основные законы от 23 апреля 1906 г., согласно которым установленные нормы не могли быть изменены иначе как с санкции института народного представительства. В то же время очевидным было *фактическое отсутствие* конституционного режима в политической практике (единственное

исключение — Государственная Дума) и в правосознании властей предрержащих.

При определении механизма политической власти в указанный период особенно важен тот факт, что конституционализм как правовой и политический порядок пребывал в стадии *первоначального формирования*. После того, как юридические решения повлекли за собой институциональные перемены, Россия только встала на путь превращения в конституционную монархию.

Партия Народной свободы на практике осуществляла зафиксированную в ее названии связь двух принципов — *конституционализма* и *демократизма*, придавая им и нормативное обоснование, и институциональное закрепление. Кадеты требовали введения всеобщего, равного, прямого избирательного права и тайного голосования. Они настаивали на осуществлении принципа разделения («обособления») властей, в чем, по их мнению, должен был воплощаться правовой характер государства. Все эти условия могли быть обеспечены только конституционным строем. Однако недолговечность отечест-

венной конституционной монархии была, по существу, «запрограммирована» отсутствием общественного согласия вокруг проблем общественного и государственного устройства. Можно только согласиться с мнением известного специалиста в области истории российского конституционализма И. Кравца: «Конституционный строй как сложноорганизованная политико-правовая система требовал согласованного действия всех его составных частей. Его функционирование было возможно в обновленной России в условиях согласия, или консенсуса не только между различными партиями и течениями, а между основными органами исполнительной и законодательной власти. И если конституционный строй в России не удержался, то вовсе не благодаря недостаткам русской конституции 1906 года, а в связи с тем, что возможности, которые она предоставляла ... обществу и государству, а также партийным группам и фракциям в законодательных учреждениях, не были в полной мере ими использованы для утверждения конвенциональных основ конституционализма» [Кравец 2000: 321].

примечания

Боброва Н.А. 2003. Конституционный строй и конституционализм в России. М.

Бурдукова И.И. 1999. Становление и развитие конституционных идей в России. М.

Вебер М. 2007. О России. М.

Гоголевский А.В. 2003.

Русский конституционализм в период думской монархии // Русский конституционализм

в период думской монархии / Сост. А.В. Гоголевский, Б.Н. Ковалев. М.

Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии. 2000. М.

Конституционное право: Справочник. 1995. М.

Кравец И.А. 2000. Конституционализм и российская государственность в начале XX века. М.

Лихобабин В.А., Пархоменко А.Г. 2000. Российский конституционализм. История. Современность. Перспективы. М.

Мамитова Н.В. 2005. Эволюция российского конституционализма. М.

Медушевский А.Н. 1994. Что такое мнимый конституционализм? // «Социологические исследования», № 2.

Медушевский А.Н. 1999. Политическая философия российского либерализма в сравнительной перспективе // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М.

Милюков П. 1907. Год революции: Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб.

Милюков П.Н. 1996. Речь по вопросу об адресе в заседании 13 ноября 1907 г. //

Российские либералы: кадеты и октябристы. М.

Милюков П.Н. 2001. История второй русской революции. М.

МГИМО (Университет) МИД России

проводит 9–10 октября 2008 г.

международную научно-практическую конференцию, приуроченную к 50-летию факультета международных экономических отношений

«ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ»

В ходе конференции предполагается выявить факторы и условия, необходимые для успешного повышения конкурентоспособности Российской Федерации, определить перспективы развития отдельных сфер народного хозяйства страны.

В рамках конференции будут организованы следующие секции:

- теоретические аспекты экономического развития России в эпоху глобализации;
- инновационные аспекты международной конкурентоспособности России;
- Россия в международном движении экономических факторов;
- актуальные проблемы валютно-финансовой политики России;
- менеджмент, маркетинг и международная конкурентоспособность российских компаний;
- международные стандарты статистики и учета как инструменты повышения конкурентоспособности России;
- страхование как фактор повышения конкурентоспособности России;
- информационные технологии в международном бизнесе;
- иностранные языки как средство международной коммуникации.

Просьба до **15 сентября 2008 г.** подтвердить свое участие в конференции, заполнить форму электронной регистрации или прислать анкету по факсу: (495) 434-24-56. Тезисы выступления (до 2 стр.) высылайте по электронной почте: e.zavyalova@inno.mgimo.ru

Тел.: (495) 433-16-86, 434-70-67.